

Екатерина Риз

**Квартирный
вопрос**

*Серия «Город»
Книга 1*

Екатерина Риз

**Квартирный вопрос.
Серия «Город». Книга 1**

«Издательские решения»

Риз Е.

Квартирный вопрос. Серия «Город». Книга 1 / Е. Риз —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853100-2

Женя — обычная девушка, художница, переживает не совсем удачный роман с женатым мужчиной. А после покупки квартиры попадает в курьёзную ситуацию, когда неожиданно появляется бывший владелец квартиры, Глеб Мартынов, и пытается предъявить свои права. Но выясняется, что Глеба волнует не столько квартира, он пытается решать свои проблемы, не забывая улыбаться новой хозяйке квартиры. Женя подозревает его во всевозможных грехах, но всё равно влюбляется, незаметно для самой себя.

ISBN 978-5-44-853100-2

© Риз Е.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Квартирный вопрос Серия «Город». Книга 1

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2017

ISBN 978-5-4485-3100-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Началось всё с того, что дядя подарил мне квартиру

Я уже второй год жила в квартире, доставшейся мне от бабушки, довольно запущенной двушке на окраине города и тем самым дядю сильно беспокоила. Он ещё не терял надежды заманить меня обратно домой, под его крылышко и неусыпный надзор, а я, как могла, демонстрировала независимый нрав. Даже рассказы о криминогенной обстановке в районе, в котором я изволю проживать, на меня не действовали. Окончив институт, я захотела свободы и самостоятельности, собрала чемоданы, запутавшись в их количестве, и из дома съехала. Дядя взывал к моему рассудку, просил его не волновать и говорил, что когда-то поклялся отпустить меня из дома только замуж. Я подозреваю, что клятву он эту дал после того, как я спалила кухню, пытаясь испечь печенье. Мне было лет двенадцать, и свои тогдашние ошибки я учла и уже давно прекрасно управляюсь с духовкой. Правда, умение готовить в мои достоинства никто так и не записал. Почему-то считалось, что человек я в быту проблемный и за мной нужен глаз да глаз. А если дядю послушать, так я вообще «принцесса на горошине» и отношение ко мне должно быть соответствующее.

Что сказать, дядя меня любит и, наверное, от его чрезмерной любви я в какой-то момент и сбежала. В моей личной жизни к тому времени наметились серьёзные изменения, которые дядю не радовали, и наблюдать каждый вечер, возвращаясь домой, его нахмуренные брови и недовольно поджатые губы, не хотелось. Он и сам был мужчиной достаточно молодым (по моему глубокому убеждению – самым лучшим на свете, куда только женщины смотрят?), и я очень надеялась, что он, наконец, наладит свою личную жизнь и приведёт в дом жену. Вот и решила съехать, чтобы мы друг другу не мешали, а он мне до сих пор этого простить не может. И женой за два года вольной жизни, кстати, так и не обзавелся.

Но вернёмся к квартире. Конечно, моих более чем скромных сбережений, отложенных после продажи трёх картин, никогда бы на приобретение нового жилья не хватило, я даже не рассчитывала на покупку квартиры, и к дяде Боре жаловаться не ходила – ни на шумных соседей сверху, которые вечно что-то с грохотом роняли на пол, а я неизменно вздрагивала, ни на отсутствие стоянки вблизи дома и поцарапанный гвоздём бок машины, ни на хамоватого слесаря, который уже второй месяц никак не может как следует отремонтировать кран в ванной и тот всё капает и капает. За меня нажаловалась Сонька, моя подруга. Она уже полгода работала у дяди секретарём (попросилась на время, да так и осталась, говорила, что работа оказалась чрезвычайно интересной, но я подозревала, что ей просто нравится варить дяде Боре кофе) и постоянно подзуживала его на мой счёт – то деньги у меня кончились за неделю до конца месяца, то платье мне приглянулось, но я решила сэкономить (я-то хотя бы попыталась это сделать, а вот она!). Дядя тут же выделял мне нужную сумму, я же стыдилась и клялась, что по магазинам с Сонькой больше не пойду. Вот и о квартире дяде Боре Сонька проболталась. Рассказала, насколько меня поразила просторная лоджия и выход на крышу, с которой открывался потрясающий вид на старый город. Было от чего потерять голову. Я и потеряла. Ходила по квартире вслед за своей бывшей одноклассницей, которая будучи риэлтором, показывала её клиентам, а я, оказавшись здесь совершенно случайно, можно сказать, за компанию, поняла, что с молотка уходит моя мечта.

Мечта мечтой, но так сразу принять такой подарок... Всё-таки из дома я ушла, чтобы, наконец, стать самостоятельной, а тот факт, что спустя два года ни одного решительного поступка так и не совершила, приводил меня в уныние. Как-то не получалось у меня быть сильной, всё время хотелось к кому-то прислониться. В общем, отказывалась я недолго, подбивал веский довод, выдвинутый дядей, что пока я буду собирать в кучу зачатки своей гордости, квартиру продадут, и если она мне на самом деле нравится...

– В конце концов, подумай обо мне, пожилom человеке, – добавил дядя Боря напоследок. – Мне нервы беречь надо, а я ночами не сплю, звоню тебе – дошла ты до дома или тебя в подъезде убили!

После этого согласиться было легко, и спустя несколько дней я получила ключи и, млея от счастья, вошла в свой новый дом. Первым делом, конечно, выбралась на крышу и долго стояла и смотрела на колокольню церкви невдалеке, которая высилась между крыш домов старой постройки.

Без ремонта и некоторых переделок всё-таки не обошлось, и, обговорив с дизайнером все детали и выбив у Соньки обещание следить за ремонтными работами в квартире, я отбыла на две недели к тётё Люсе в деревеньку с живописным названием Васильково, на «этюды». Вдохновение было через край, будущее виделось мне в радужном цвете и даже то, что за две недели на парном молоке и блинах я поправилась килограмма на три, не сильно расстраивало. Зато по возвращении в руках у меня была корзинка полная клубники, а под мышкой папка с огромным количеством набросков, на губах же играла счастливая улыбка от того, что навстречу мне по перрону бегут дядя и Сонька, машут мне руками и тоже улыбаются.

Надо сказать, что дядя у меня на самом деле мужчина видный, недаром ему вслед женщины оборачиваются. В свои сорок семь, выглядит моложе, бодрый, подтянутый, с ямочками на щеках и смешливыми глазами. А нос с горбинкой и тяжёлый, истинно мужской подбородок, делали его почти неотразимым. Когда я была маленькая, считала, что дядя мой суперагент, Джеймс Бонд, никак не меньше. Он любил шикарные машины, дорогие костюмы и женщины неизменно вздыхали ему вслед. А я пыжилась от гордости и выходила с ним «в свет», держась за его руку и демонстрируя всем очередное платье «принцессы», на которые дядя никогда денег не жалел, даже когда дела наши обстояли не очень хорошо. Мы не нуждались, но пару раз «семейный» бизнес висел на волоске, и вот тогда приходилось потуже затягивать пояса, но не настолько, чтобы все об этом говорили, а уж тем более заметили. А благосостояние нашей маленькой семьи всегда оценивалось по его машине и количеству моих платьев. По крайней мере, дядя Боря в это всегда свято верил, вот и старался.

Так уж случилось, что я рано осталась без родителей, какая-то нелепая авария, которая в один день лишила меня отца, матери и деда. Мне тогда было семь лет, вроде не такая уж и маленькая, но родителей я помню смутно, особенно отца. Какие-то обрывочные воспоминания о том, как он катал меня на качелях и подбрасывал на руках вверх, мне казалось, что очень высоко, прямо под облака, и я замирала от страха, но непременно просила ещё. О маме воспоминаний было больше. Я хорошо помнила, что она разрешала мне заглядывать в её шкатулку с драгоценностями, из которых более-менее ценными были только золотые серёжки и кулончик с топазом, который я до сих пор храню, но мне тогда всё, даже брошь в виде лотоса из цветной стекляшки, казалось безумно красивым и ценным. Когда родителей не стало, меня хотели взять к себе дальние родственники, троюродная сестра мамы, но дядя Боря воспротивился. Сказал, что не позволит увезти дочь брата неизвестно куда, и взял меня к себе. Сейчас, спустя столько лет, я сама бы удивилась такому решению молодого одинокого мужчины, который незадолго до этого развёлся и вместо того, чтобы устраивать свою жизнь, занялся ребёнком. Но жили мы хорошо, я бы даже сказала, что слишком хорошо, дядя меня совершенно избаловал, и я до сих пор, в свои двадцать пять, никак не могу избавиться от его опеки и присмотра. И ничто его не успокаивает, даже то, что обо мне уже давно есть, кому позаботиться. Каждое напоминание об этом вызывает у дяди Бори лишь кривую усмешку.

Но я надеялась хотя бы на Сонькину поддержку. Она, в отличие от меня, уже давно слыла самостоятельным человеком, получала второе высшее образование, на этот раз психологическое (на кой чёрт оно ей, я никак понять не могу), жила на то, что зарабатывала сама и даже аренду квартиры сама оплачивала. При этом не считала, что мне нужно на неё равняться. Она до белых пятен перед глазами уважала моего дядю, а если совсем честно, то была в него

влюблена лет с тринадцати. Я тогда ещё с упоением в куклы играла, а Сонька уже продумывала детали их бракосочетания и с удовольствием со мной ими делилась. Я слушала, смеялась, а Сонька обижалась и уходила домой. С возрастом её безответная влюблённость переродилась в слепое обожание, а так как Сонька особа довольно деятельная, то, немного повзрослев, устроила на дядю Борю настоящую охоту. Ходила за ним, как привязанная, уморительно млея и смущалась в его присутствии, и дико ревновала, когда видела его с женщиной. Дошло до того, что дядя Боря перестал водить в дом подруг не из-за меня, а из-за Соньки, которая живя тогда с нами по соседству и страдая от невнимания жутко занятых родителей, почти всё время проводила у нас в гостях. Или я у неё. Получалось так, что в течение дня мы были предоставлены сами себе, а родителем на вечер становился тот, кто возвращался домой с работы раньше остальных – кто-то из родителей Соньки или дядя Боря. Вот так мы и росли. Правда, когда мне исполнилось пятнадцать, мы переехали, но недалеко, всего лишь на соседнюю улицу, так что особо нашу жизнь и наших привычек, это не изменило. Я ходила в художественную школу, Сонька учила иностранные языки, готовила свой жуткий омлет с помидорами и луком у нас на кухне и кормила им дядю Борю. Он его ел, нахваливал, а мое ореховое печенье, которое таяло во рту, и кулебяка с капустой считались чем-то само собой разумеющимся. И я даже не обижалась, потому что знала – бесполезно. Мою тягу к живописи дядя никогда не считал серьёзным увлечением, а уж тем более делом моей жизни, относился к нему как к капризу, но и не спорил. Искренне считал, что сам сможет обо мне позаботиться, и поэтому я могу заниматься чем угодно, хоть резьбой по дереву. Поэтому и кулинарные изыски мои его не впечатляли. Я же всё равно ничем путным, по его разумению, не занималась, так хоть готовить научилась, а вот Сонька... это да. Выучить два языка, устроиться на хорошую работу в восемнадцать лет, разбираться в футболе и при этом ещё что-то готовить... В общем, они друг друга уважали. Глупые воспоминания о детской влюблённости ушли в небытие, Сонька перестала жизнерадостно выкрикивать «дядь Боря» при встрече и теперь обращалась к нему не иначе как Борис Владимирович, строгим официальным тоном. А уж после того, как дядя взял её к себе на работу, Сонька только что пылинки с него не сдувала, причём круглые сутки. Даже дома за ужином была сама любезность и готовность в любой момент броситься за блокнотом, чтобы записывать мысли шефа. Порой, наблюдать за этими двоими было довольно весело.

Но мои интересы подруга отстаивала, даже когда не согласна со мной была. Каждый раз как дяде Боре приходило в голову пожаловаться на мою неустроенную личную жизнь, Соня начинала его стыдить. И ей это удавалось как никому, дядя кивал в такт её словам и каялся, что не привил мне ни капли самостоятельности. Подозреваю, что после одного из таких разговоров, у меня и появилась новая квартира – ещё один шаг к самостоятельности, сделанный за меня дядей и подругой. Но жаловаться грех, квартира-то у меня появилась.

Сонька подбежала, обняла меня и расцеловала.

– Сколько у тебя сумок! Как ты добралась?

Дядя подошёл и обнял меня одной рукой, поцеловал в лоб.

– Похорошела, загорела, – довольным тоном проговорил он, оглядывая меня с головы до ног. А я в ответ лишь жалобно посмотрела.

– Скажи правду – поправилась.

– Вот уж глупости, – воспротивился он, поднял одну из сумок и удивлённо посмотрел. – Почему так тяжело?

– Тётя Люся о нас побеспокоилась, – ответила я, разведя руками, но тут же поспешила успокоить: – Меня дядя Витя до поезда проводил, так что я её не тащила. Вон в той сумке варенье, осторожнее, а то в прошлый раз разбили банку.

– А в корзинке что? – заинтересовался дядя Боря.

– Клубника. Вкусная, – протянула я с улыбкой.

Они подхватили сумки, и мы пошли по перрону в сторону стоянки, минуя здание вокзала. Я сдула со лба выбившуюся прядь и строго посмотрела на подругу.

– Как моя квартира?

Сонька рассмеялась.

– Тебя только это интересует?

– Ремонт закончили?

– Закончили, – кивнул дядя Боря и со смехом глянул на меня. – Женька, красота такая.

Я поневоле разулыбалась.

– Правда?

– А я тебе спальню присмотрела, – затараторила Сонька. – Вся такая тёмная, солидная, а кровать, Жень... Мечта!

Дядя Боря нахмурился.

– Зачем ей кровать-мечта?

Сонька махнула на него рукой.

– Пригодится. Надо думать о будущем.

– О будущем пусть думает, но при чём здесь кровать?

– Завтра поедем в магазин, – тоном, не терпящим возражений, заявила Сонька. – А то вдруг купят? Вот жалость будет.

В магазин я ехать согласилась. Завтра – пожалуйста, поеду, а сейчас мне не терпелось попасть домой и всё самой посмотреть. Если честно, за эти две недели я раз двадцать покаялась, что уехала и самолично не слежу за ремонтом: вдруг что-то сделают не так, как я хочу? Но тётя Люся ждала меня в гости, и дядя меня уговорил поехать и отдохнуть, заявив, что изводить придирами дизайнера и рабочих вполне сможет и Сонька. А я звонила подруге каждый день и требовала подробного отчёта. Вчерашним вечером она меня в очередной раз успокоила, заверяла, что всё в ажуре, а сейчас я всё равно волновалась и в квартиру входила, замирая от предвкушения.

Дядя Боря наблюдал за мной с улыбкой, переглядывался с Сонькой и время от времени многозначительно хмыкал.

– Я люблю эту квартиру, – заявила я, обойдя все комнаты. – Люблю! – Подошла и дядю обняла. – Спасибо.

– Квартира на самом деле отличная, – заявила Сонька, распахивая дверь на балкон. Я подошла и в который раз порадовалась открывшемуся виду. – Церковь вписывается... какое-то благодущие во мне просыпается.

Дядя Боря насмешливо посмотрел на нас и отвернулся.

Мебели в квартире был минимум, зато коробок с моими вещами уйма. И пока дядя пытался отыскать в одной из них посуду, мы с Сонькой занялись обедом. Точнее, занялась я, а подруга издевалась над огурцом, кромсая его на малюсенькие, ни к чему непригодные кусочки. Сунула в рот ломтик и захрустела.

– Я Вовку выгнала, – вдруг заявила она, а я удивлённо посмотрела.

– Опять? Вы же только недавно помирились.

– Надоело, Жень, сколько можно с ним нянчиться? Он только и делает, что на гитаре своей бренчит. Гений доморощенный.

Я усмехнулась.

– Так ты же его за это и полюбила.

– За гениальность?

– За то, что бренчит.

Сонька удручённо кивнула и отложила нож.

– Дура я, да ещё жалостливая. Но теперь всё.

Я махнула на неё рукой.

– Простишь.

– Ничего подобного, – фыркнула подруга. – Я уже и заявление на развод подала, и гитару его в окно выбросила.

Вот тут я натурально ахнула.

– Разбила?

– Да чёрт с ней.

Я сложила порезанные помидоры в глубокую миску, а на подругу в нерешительности посмотрела.

– Сонь, жалко. Он же без тебя пропадёт.

– А я с ним пропаду. Как вижу его, аж тошнит. Пусть катится к своей мамочке, она его за гениальность очень уважает, вот пусть и кормит. А я буду деньги экономить. В конце концов, я тоже такую квартиру хочу. Только без церкви, а то совсем расклеюсь, буду о грехах своих постоянно вспоминать.

– Он будет к тебе таскаться, и ты его всё равно пожалеешь, – не поверила я в чёрствость подруги. Но та лишь мстительно усмехнулась.

– А я квартиру сменю. Нищему, Женька, собратся – только подпоясаться. Вот я и съеду. Между прочим, утром уже Ленке Архангельской звонила, она мне вариант подберёт, чтобы к работе поближе.

Я покачала головой.

– Что-то ты больно торопишься. Влюбилась, что ли?

Сонька насторожилась.

– С чего ты взяла?

– Суетишься больно. И гитару разбила, не пожалела.

– Далась тебе эта гитара...

– Так что, влюбилась? – не отставала я.

Сонька рассерженно фыркнула.

– Мне вот только этого счастья не хватает. От одного дурака никак не избавлюсь, зачем мне ещё один?

– Так ты найди не дурака.

– Найди! – передразнила меня Сонька. – Словно это так просто.

В холодильнике обнаружилась бутылка вина, как оказалось, это Сонька проявила предусмотрительность несколько дней назад и запаслась на случай праздничного обеда или ужина. Дядя Боря ловко выдернул пробку, разлил вино по бокалам, и мы выпили за мою счастливую жизнь в новой квартире.

– К этой квартире ещё жениха хорошего, – не к месту вставил дядя Боря, а мы с Сонькой переглянулись и дружно вздохнули. Дядя растерянно посмотрел на нас. – Что это вы вздыхаете?

– А где их взять, женихов хороших? – нараспев протянула Сонька, отворачиваясь к окну. Дядя Боря задержал на ней взгляд, затем хмыкнул и замолчал.

Я тоже молчала, не хотела поддерживать провокационную тему, зная, что ни чем хорошим подобный разговор закончиться не может.

Сонька заметила, что дядя Боря о чём-то призадумался и посоветовала:

– Вы ешьте, Борис Владимирович, ешьте. Нам ещё на работу надо.

– Надо, да? – «огорчилась» я и сочувственно улыбнулась.

Было немножко стыдно, но мне на самом деле не терпелось остаться одной. Не торопясь осмотреть комнаты, а потом выйти на крышу, поставить мольберт и забыть обо всех на свете. Что может быть лучше тишины и покоя?

Несколько часов пролетели совершенно незаметно, только иногда я отвлекалась на шум машин внизу, поглядывала с крыши на обычную уличную жизнь, на людей, улыбалась неиз-

вестно чему и возвращалась к мольберту. А когда зазвонил телефон, даже расстроилась немного. Солнце как раз затронуло купола церкви, красиво было невероятно, глаз не оторвёшь, а тут звонок, который разрушил очарование. Правда, расстраивалась я недолго. Вернулась с трубкой на крышу и решила похвастаться:

– Дима, ты не представляешь, какая красота!

Лёгкий смешок, а потом самый волнующий голос на свете поинтересовался:

– Ты уже вернулась?

– Вернулась, сегодня. А ты? – вышло более взволнованно, чем было необходимо, но что я могла с собой поделаться? – Ты вернулся?

– Приеду через пару дней. Очень по тебе соскучился.

Я закрыла глаза.

– И я по тебе. Две недели не виделись, сумасшествие какое-то.

– Расскажи мне, как у тебя дела.

– Всё хорошо, Димочка, правда. Отдохнула прекрасно, там такая природа, я целыми днями рисовала.

– Прекрасно. Как вернусь, будем открывать новую выставку, надеюсь, ты готова.

– В этот раз готова, – заверила я. – А почему ты не спрашиваешь меня про квартиру?

Дима рассмеялся.

– Спрашиваю. Как твоя квартира?

– Просто замечательно! Сонька постаралась, всё сделали, как я хотела. Кухня большая, три комнаты, а вид... Дима, тут такая крыша, и Старый город, как на ладони. Это моя мечта!

– Я очень за тебя рад, – добавил он. – Борис Владимирович наверняка постарался.

– При чём здесь это? – перебила я. – Я хочу, чтобы тебе понравилось.

– Я же знаю твой вкус. Мне обязательно понравится, милая. Не переживай.

Солнечный свет, отливающий от церковных куполов, перестал меня занимать.

– Дима, когда ты вернёшься?

– Через два-три дня. Не грусти, скоро я буду с тобой.

Я разглядывала набросок на мольберте, собираясь с силами. Запретила себе страдать, и бодрым голосом продолжила:

– Это даже хорошо. В квартире совершенно нет мебели, а к твоему приезду я...

В трубке послышался женский голос, Диме снова стало не до меня, а я только бормотала, не желая останавливаться и задумываться о том, что у него есть дела и поважнее моих разговоров. Ему снова не до меня...

– К твоему приезду я обставлю квартиру, и тебе обязательно понравится...

Он не слушал, и я замолчала. Отвела трубку от уха и потёрла лоб, болезненно морщась. Глядела вдаль, на неровные, зачастую тусклые крыши частных домов, и только дышала глубоко, пытаясь справиться со слезами. К тому моменту, как он вернётся к разговору, мне надлежало справиться с собой, чтобы в голосе не дрожали невыплаканные слёзы. Устраивать истерики не в моём амплуа, Дима это знал, и когда я порой всё-таки срывалась, он расстраивался. А я потом чувствовала себя виноватой. У него и так проблем много, он старается уделять мне каждую свободную минуту, а я всё равно нахожу, к чему придраться.

– Я уже иду, – сказал он в сторону, а потом его вздох в трубку и виноватый тон: – Прости.

– Тебе надо идти?

– Тошка в бассейне купается, его нельзя одного оставлять.

– Да, я понимаю.

– Ну, не злись, Ева...

Он один так меня называл. Сколько лет до знакомства с ним я даже не подозревала, что из моего мальчишеского имени может получиться такая красота. Ева – первая и единственная женщина.

– Я не злюсь, – заверила я его. – Иди к сыну.

– Я скоро приеду, – добавив в голос волнующей хрипотцы, проговорил он. – А ты обставь квартиру и жди меня. Я тебя люблю. Слышишь?

Я поневоле улыбнулась.

– Слышу.

– Это не тот ответ, на который я рассчитывал, – рассмеялся Дима. – Порадуй меня. Мне ещё как-то надо прожить эти три дня без тебя.

– Мне тоже...

– Что?

– Я тебя люблю. Возвращайся скорее, я с ума схожу. Правда.

Нужно срочно избавиться от трёх лишних килограммов. Вот о чём я думала, когда блины тётеньки Люсины ела?

Помнится, когда я влюбилась в Димку, Соня впервые назвала меня душой. Прямо в глаза сказала: ты – дура.

– Зачем тебе этот потасканный женатик? – удивилась она, а я тогда жутко обиделась. Особенно за эпитет «потасканный». В моих глазах Димка был едва ли не рыцарем, по крайней мере, в моём окружении более интересного мужчины (конечно, не считая, дяди!) попросту не было. А так как барышней я была романтичной, то влюбилась в него с первого взгляда. Как увидела статную фигуру, повелительный наклон головы, встретила тёмный, обволакивающий взгляд – так и пропала. Но у меня и мысли не было, что такой мужчина на меня внимание может обратить. Хозяин картинной галереи, который мог говорить о живописи часами, тихим, рокошующим голосом, который сводил с ума всех женщин, до слуха которых доходил этот обворожительный баритон, и я – юная студентка с извечной папкой с набросками на плече. Я сама себе казалась жутко глупой, ходила за ним, как околдованная, хорошо хоть не одна была, а в компании своих однокурсников. Галерея Калинина открывала выставку молодых художников, и нас пригласили для знакомства перед официальным открытием. Димка, хотя тогда для меня он был совсем не Димкой, а Дмитрием Николаевичем, лично встретил нас и долго рассказывал о предстоящей экспозиции. Он не любил неожиданностей, тем более неприятных, и поэтому предпочитал всё обсуждать заранее, обговаривать каждую деталь. Он был педантом, но это лишь добавляло ему шарма. Сдержанный, интеллигентный, прекрасно образован, знающий себе цену... Неудивительно, что я влюбилась в него с первого взгляда. Но просто влюбилась: потонула, наблюдая за ним со стороны, подивилась тому, что мужчина моей мечты всё-таки существует в реальной жизни, и ушла, мысленно позавидовав его жене, потому что прекрасно рассмотрела обручальное кольцо на его пальце. Весь день проходила, как пришибленная, всё мечтала о чём-то, улыбалась невпопад, а ночью, когда девичьи мечты стали приобретать глобальный размах, и я в голове прокручивала уже третью «историю нашей романтической любви», встала и по памяти нарисовала его портрет. Мне казалось, что я помню его лицо досконально, каждую чёрточку, а поняла, что ошибалась только при следующей нашей встрече.

Мы встретились на выставке, куда я пришла в сопровождении дяди, держалась за его локоть и незаметно поводила плечами, чувствуя себя неуютно в новом платье. Дядя Боря был горд неимоверно, приглашал на первую выставку племянницы кучу знакомых. Я ещё из-за этого нервничала. В зале всего две моих картины, и те в углу висят, а дядя вёл себя так, словно выставка персональная, и я здесь звезда. Вытаскивал меня вперёд, заводить нужные знакомства, а я краснела и молчала, как рыба об лёд, не в силах выдавить из себя ни одного подходящего для случая слова. А когда хозяин галереи подошёл нас поприветствовать, чуть в обморок не упала. Он разговаривал с моим дядей, поглядывал на меня с любопытством, а я готова была провалиться сквозь землю от стыда. Чувствовала себя под его взглядом ничтожной дуришкой в дешёвом платье. Кажется, ни одного слова не вымолвила, а когда к нам подошла его

жена, решила, что это самый жуткий день в моей жизни. Была мечта, и нет её. Даже маленькой, недавно появившейся, и той лишили.

А на следующий день дядя меня огорошил:

– Калинин звонил, сказал, что твою картину купили.

Я даже со стула привстала и переглянулась с Сонькой.

– Да ладно, – выдохнула та, потому что я только рот смогла открыть, да так и замерла.

Дядя Боря кивнул и озабоченно на меня посмотрел.

– С тобой всё в порядке?

– Правда, купили? – переспросила я. – Он сам позвонил и сказал?

– Что значит, сам? – не понял дядя Боря.

А я уже обнималась с Сонькой, и его вопрос попросту проигнорировала.

2

На следующий день я приехала в галерею, встретила с Калининым и пропала окончательно. Он снова устроил мне экскурсию, теперь уже лично для меня, рассказывал какие-то невероятные истории, говорил о моём будущем, а я смотрела на него, затаив дыхание, и только кивала в такт его словам, совершенно не вникая в суть. Чувствовала себя рядом с ним девчонкой несмышленной. Пару раз ловила его заинтересованный взгляд, и тут же заливалась румянцем и отворачивалась.

Меня мучили угрызения совести, как без них? Постоянно напоминала себе, что у него жена, ребёнок, а я лишь любовница. Разлучница. Но каково это было – влюбиться впервые в жизни. До этого великое чувство как-то обходило меня стороной, выскальзывало из рук, как я не пыталась за него ухватиться, стараясь не прослыть синим чулком и привередой. Но упорно видела в своих поклонниках одни недостатки. Хотя, если на чистоту, толпы поклонников, как например, у Соньки, у меня не было никогда. Под окнами моими не бродили влюблённые, с букетами не поджидали у подъезда, и не убеждали, что жизни без меня не мыслят... У Соньки как-то был такой поклонник, чрезвычайно романтичный молодой человек, она с ним здорово намучилась, даже цветы подаренные в окно выбрасывала ему на голову... Тогда цветы, теперь гитару... странное увлечение.

А я вот до двадцати трёх лет ни разу влюбиться не сумела, уже мысленно рукой на себя махнула, и недоумевать перестала. И, видимо, чем-то мужчин от себя отталкивала, наверное, недоверием, которое во взгляде моём появлялось. Если слышала комплимент, то невольно начинала подозревать человека во всяческой корысти. Хотя, что, собственно, с меня взять?

А вот в Димку влюбилась и совершенно потеряла голову, как только он сделал первый шаг. Он говорил, что долго искал ко мне подход, а я считала это бахвальством с его стороны. Какой подход, когда я слова ему поперёк сказать не могла? Он говорил о выставке – я согласно кивала, приглашал на обед – я кивала, попросил разрешения поцеловать – я так же безмолвно кивнула и только тарасилась на него совершенно глупо. А потом удивлялась тому, что он мог найти в безмолвном, одуревшем от свалившегося на него счастья, создании.

Чувство восторга пошло на спад, когда угрызения совести дали о себе знать. А когда я пыталась поговорить о сложившейся ситуации с Димой, тот неизменно вздыхал и смотрел на меня умоляюще.

– Нам обязательно говорить об этом сейчас?

– А когда? – всё-таки рискнула удивиться я спустя полгода. – Ты постоянно отмахиваешься от меня.

– Я от тебя отмахиваюсь? Вот прямо сейчас?

Он завязывал галстук, аккуратно поправил узел и обернулся на меня.

– Ева, ты несправедлива ко мне, – Димка посмотрел с укором. – Я каждую свободную минуту тебе уделяю. Иногда в ущерб сыну. Тебе не на что жаловаться.

Стало стыдно.

– Не на что. Но... надо что-то решить. Я устала от серьёзных разговоров с дядей, которые теперь, как по расписанию случаются.

– Я знаю, я ему не нравлюсь.

– Дима, ему не нравится ситуация, а не ты.

– А какая ситуация его устроит? Что я брошу сына и женюсь на его племяннице? Тогда всё будет правильно?

– Я не прошу тебя на мне жениться, я просто хочу быть уверена...

Димка нервничал, я уже жалела, что в очередной раз завела этот разговор, и, унижаясь, пытаюсь обратить на себя его внимание. Просто поговорить со мной. Не только о любви

и искусстве, а о чём-то насущном и возможно даже скучном, но важном для меня, о нашем будущем. Я всё-таки надеюсь, вот уже два года надеюсь, что будущее у нас есть.

Димка говорил, что есть. Неустанно уверял меня в этом, а я верила и старалась понять его позицию.

– Я не могу бросить сына сейчас, он слишком мал. А это мой сын, я не хочу, чтобы его воспитывал чужой человек. Но я ведь для тебя всё делаю, я тебя люблю. На что ты жалуешься?

Я всегда на что-то жаловалась, и меня саму это раздражало. Вроде, не собиралась, но начинала говорить и неизменно скатывалась на претензии и жалобы. А Дима старался меня понять.

– Наверное, тебе со мной не повезло, – говорил он, приводя этими словами меня в отчаяние. – Вот такой тебе достался человек... Но мне кажется, что быть любимой женщиной намного интереснее, чем женой. Ева, слышишь ли?

– Слышу, – отзывалась я и выдавливала из себя улыбку.

– Ведь интереснее?

– Я бы предпочла быть любимой женой.

Дима смеялся и гладил меня своей большой ладонью по щеке, как маленькую.

– Фантазёрка ты. Барышня романтическая.

Когда он разговаривал со мной тихим, доверчивым тоном и смотрел чуть снисходительно, я начинала чувствовать себя капризной и неблагодарной, не желающей понять любимого мужчину, то, что для него жизненно важно, а я только ультиматумы выдвигала и что-то требовала, а Дима терпел и продолжал уговаривать меня, не повышая тона.

– Зря ты его слушаешь, – говорила Сонька, которая за полчаса до этого говорила моему дяде о том, что я имею право на личную жизнь. А личная жизнь на то и личная, чтобы самому её выбирать. – Димка твой – мерзавец знатный. Везде поспевает.

– Как тебе не стыдно?

– А что, я серьёзно. И перед женой крутится и перед тобой.

– Он сына любит.

– Жизнь хорошую он любит. Хотя, в этом, конечно, ничего предосудительного я не вижу. Сама до жути меркантильна бываю, сама знаешь. Просто я о том, что когда живёшь с женой из-за сына, не являешься с ней на все банкеты под ручку и голову не наклоняешь, чтобы она тебе с игривой улыбкой на ушко что-то нащёптывала.

– Сонь, ну прекрати! Ты специально, что ли?

– Не специально. Если бы специально, я бы про него ещё не то сказала. Котяра умытый.

Сонькина манера награждать людей всякими несуразными прозвищами иногда меня жутко раздражала. Особенно, когда она о Димке говорила. Ведь, это на самом деле моя личная жизнь и никто мне не может запретить любить человека. Женат он или у него куча других недостатков (интересно, в какой момент я стала считать брак – недостатком?), я ведь люблю и по желанию от этого чувства избавиться нельзя. Надо любить. Пока тебе дано такое счастье, надо любить.

Следующий день меня измотал. Мало того, что мы с Сонькой ходили по мебельным магазинам большую часть дня, измучили себя и всех продавцов, которым не повезло с нами связаться, так вечером ещё привезли ту самую спальню, которую присмотрела для меня Сонька, с кроватью-мечтой гигантских размеров. Довольно спать на диване, разбирать-собирать его каждый день и прятать постельное бельё в шкаф. Теперь у меня есть спальня, в которой можно уместить любую кровать, даже мечту. А почему бы и нет? Можно немного похвастаться, пусть и перед самой собой

Покупке спальни я радовалась, но пережить вечер в компании грузчиков и мастера по сборке мебели, было трудно. Но зато, когда, наконец, осталась в одиночестве, легла на кро-

вать и руки раскинула, почувствовала себя почти счастливой. Всё потихоньку налаживалось, вставало на свои места, и жизнь уже не напоминала один огромный переезд с коробками, выстроенными в ряд вдоль стены, в которых хранилось всё то, что я называла своей жизнью. И даже собственная мастерская с прекрасным видом из окна у меня будет. Ещё бы любимого человека сюда, чтобы было с кем разделить свою радость, но приходится довольствоваться малым.

За три дня с покупкой мебели, по крайней мере, самой необходимой, я управилась. Разобрала коробки с вещами, навела в квартире хотя бы видимый порядок, а в кухонных шкафах появились тарелки и чашки в нормальном количестве, а не по две-три штуки. Расставила книги и расстелила ковёр. Квартира стала похожа на мой дом, и это безмерно радовало.

Я ждала Димку. Накрыла стол, приготовила его любимое блюдо – телятину с баклажанами, купила бутылку вина и с нетерпением ожидала вечера. А пока ожидала, напекла пирогов, стараясь тем самым унять всколыхнувшееся волнение. Из-за чего разнервничалась, не знаю. Словно, в первый раз за два года ждала его из отпуска или командировки, словно никогда раньше не скучала и не страдала в одиночестве, ожидая его звонка. Всё это было, и не раз, но я всё равно волновалась. Он задерживался, заехал куда-то по делам, а мне казалось, что он никогда уже не приедет. Что не скучал, не вспоминал и вообще забыл обо мне за прошедшие две недели.

Всё-таки у меня куча комплексов, иначе, откуда все эти мысли берутся?

Дима выглядел усталым, но довольным. Посматривал на меня и улыбался, потом разлил оставшееся вино по бокалам.

– Замечательный ужин.

– Спасибо, я старалась. Я так по тебе соскучилась, Дима, – вдруг призналась я.

– Две недели – это много, – согласился он. – Зато это полезно.

– Что полезно?

– Временные расставания. Отдохнули друг от друга, зато ты рада меня видеть.

– А ты меня нет?

Дима рассмеялся.

– Очень рад. Зачем ты спрашиваешь?

Он взял бокал и вышел на крышу.

– Прекрасный вид, – сказала я, обнимая его сзади. – Правда?

– Да. Это не детский сад, который только и было видно из окон твоей бывшей квартиры.

И дети больше не орут.

– Это было меньшим из зол, – рассмеялась я. Оторвалась от него и подошла к мольберту. – Посмотри.

Как всегда с беспокойством ожидала его мнения, а Димка пил вино небольшими глотками, придирчиво разглядывал картину, а потом вдруг сказал:

– Тебе не надоел этот город?

Я удивлённо посмотрела.

– Что ты говоришь?

– А что? Маленький, провинциальный городишко.

– Какой же он маленький, Дим?

– Всё равно. Я в Москву хочу.

– В Москву, – повторила я за ним с улыбкой, сняла картину с мольберта и отнесла её в комнату. Тут же вернулась и нырнула под Димкину руку. – Москва – это хорошо, Димочка. Но только кому мы там нужны? Здесь ты фигура, у тебя самая крупная картинная галерея в городе, а там ты кем будешь? Одним из многих?

Он недовольно поджал губы и на меня не посмотрел.

– Ты просто трусишь.

– Да, трушу, – не стала скрывать я. – Потому что делать мне там совершенно нечего. Меня никто там не ждёт.

Дима убрал руку и отошёл от меня. Подошёл к бортику крыши и посмотрел вниз.

– А здесь тебя кто ждёт? Дядя?

Я насторожилась.

– Дима, ты что, уже решил? Ты уезжаешь в Москву?

Он больше минуты стоял, смотрел вдаль, и мне вдруг на самом деле стало страшно. Но затем Калинин обернулся и насмешливо взглянул.

– Кто ж меня отпустит, Ева? У меня здесь семья.

Я присела на стул и вздохнула.

– У тебя что-то случилось?

Дима безразлично пожал плечами.

– Да нет. Всё как всегда.

– Какие-то странные разговоры. Ты никогда такие темы раньше не поднимал.

– Просто мне надоел этот город.

Я поднялась.

– Город или то, что тебя в нём держит?

Калинин посмотрел на меня, глаза сверкнули, а потом ещё и улыбнулся.

– Тебя бы я забрал с собой.

В свете закатного солнца, на фоне темнеющего неба, высокий, темноволосый, в белоснежной рубашке, удачно оттенявшей загорелую кожу, Димка был невероятно красив. Я невольно засмотрелась и даже пропустила соблазнительные, многообещающие нотки в его голосе. Оглядывала его, а потом вдруг задохнулась, когда заметила откровенную насмешку в его взгляде. Почему-то мелькнула мысль, что он прекрасно знает, какое впечатление производит и всю этим пользуется. Снова с лёгкостью увёл разговор от опасной темы, которая могла привести к очередной неприятной размолвке, и заставить меня забыть обо всех возникших вопросах.

Он подошёл, заглянул в глаза и пальцем приподнял мой подбородок.

– Ты поедешь со мной?

Я молчала, да он и не ждал от меня ответа, так мне показалось. Целовал меня, а я ощущала странную горечь, осевшую на душе. Понимала, что Дима принял какое-то решение, и мой отказ вряд ли его остановит. Никогда не останавливал.

Он оставил меня в постели, на шикарных шёлковых лиловых простынях, которые я купила специально для сегодняшнего вечера, надеясь на какое-то волшебство, и совершенно не думала о том, что останусь на них одна, в который раз наблюдая, как любимый человек не спеша одевается, собираясь уехать от меня к другой. И даже то, что она его законная жена и, по сути, жгучую обиду должна чувствовать она, не отрезвляло.

Я сидела на постели, завернувшись в одеяло, и наблюдала за Димкой. Он застегнул рубашку, потом прошёлся по спальне, оглядывая стены.

– Давай я тебя покормлю? – предложила я, не зная, чем ещё его удержать.

Он криво усмехнулся.

– Ева, ты ещё пирогов мне предложи.

– А что? – обиделась я. – У меня и пироги есть.

– Не сомневаюсь. Что у тебя за страсть всех кормить?

– Не кормить, а готовить. Ты же знаешь, меня это успокаивает.

Калинин подошёл ко мне, наклонился, даже одним коленом на постель привстал, и поцеловал меня.

– А я слежу за своим весом, ты же знаешь.

Отчего-то померещился скрытый намёк в его словах, и я незаметно подтянула на груди одеяло. Значит, заметил. Не сказал, конечно, никогда бы открыто не сказал, но понять дал достаточно ясно, а мне теперь хоть голодом себя умори, но в форму войди, и желательно ещё до следующей встречи.

Когда Димка из спальни вышел, прихватив свой пиджак, я торопливо вскочила, суетливо накинула на себя халат, бросила быстрый взгляд в зеркало, пригладила волосы, и вышла следом за ним.

– Дима, мы так с тобой и не договорили.

– О чём?

– О Москве.

Он выразительно поморщился.

– Ева, давай не сейчас. Не подходящий момент.

– Значит, ты что-то задумал всё-таки, я права?

Калинин даже ухом не повёл, словно и не расслышал моего вопроса. Подошёл к круглому столу и вознамерился открыть мою папку с набросками. Я ещё не разбирала их, и, заметив Димкин интерес, замерла. Димка тесёмки развязал, открыл, и стал с интересом наброски разглядывать. Вынимал один за одним, а я с каждой секундой всё больше вжимала голову в плечи, ожидая неминуемой развязки.

– Вот это совсем не плохо, – сказал он, указывая на вечерний пейзаж. – Мне нравится.

Я кивнула, но тут Димка замер, заметив то, чего в принципе быть не должно было.

– Это что такое?

Я кинулась к нему и попыталась папку закрыть. Надо признать, что Калинин противиться не стал, ему хватило и увиденного.

– Ева, – повторил он, а я вздохнула.

– Глупости это, Дим. Мне скучно было.

– И поэтому ты забавляешься вот этим? – пренебрежительно фыркнул он.

– Я просто книжку прочитала... – пряча глаза, ответила я.

– Ты читаешь детские книжки?

– Она не детская! – выкрикнула я, но тут же стушевалась. – Ну, или не совсем детская.

Димка только головой покачал. Ключнул меня в щёку и отодвинулся.

– Прекрати ерундой заниматься, тебе к выставке готовиться надо, а не гномиков рисовать.

– Это не гномики, это тролли.

– Есть разница?

Я опустила глаза и промолчала.

– Проводи меня, – попросил Калинин, и я отправилась вслед за ним в прихожую. Босая, постоянно стягивая халат на груди, и несчастная. – Не дуйся, – попросил Димка уже в дверях. – Ты же знаешь, что я прав. – И видимо стараясь загладить свою резкость, притянул к себе и страстно поцеловал. У меня, если честно, от волнения и неожиданности, даже колени подогнулись. – Люблю тебя, – шепнул он напоследок и скрылся за дверью. А я продолжала стоять и ловить ртом горячий воздух.

#####

В течение следующей недели Димка, как мог, меня успокаивал, а скорее попросту отговаривался пустыми фразами, всякий раз, когда я заводила разговор о Москве. Меня это беспокоило, а он беспечно отмахивался и раз за разом со смехом спрашивал:

– Так поедешь со мной?

Довёл меня практически до истерики. Я уже не знала, что и думать. Но ясно было одно – эта затея крепко-накрепко застряла в его голове и так просто он не отступится. А у меня никак не получалось донести до него всю бредовость его идеи. Ну, куда он поедет и зачем? С чего вдруг его на приключения потянуло? Чего не хватает? От всех этих мыслей настроение было хуже некуда.

А Димка всё твердил:

– Поедешь?

– Да никуда я не поеду! – кричала я в ответ, а он лишь пренебрежительно усмехался.

– Боишься?

– Господи, как же я устала от всех этих разговоров, – уже тише проговорила я. – Дима, я не понимаю, откуда такая идея взялась? Да ещё так внезапно!

– Да ничего не внезапно! Или ты думала, что я так всю жизнь и собираюсь здесь прожить? До Москвы всего ничего, а мы здесь... словно от жизни настоящей оторваны.

– Что за глупости? – покачала я головой.

– Ева, это шанс, понимаешь? И он мне не просто так достался. Я несколько лет лазейку искал, а теперь, когда она нашлась, ты меня отговариваешь?

– Нет, не отговариваю, просто... А как же сын?

– А что сын? Он с матерью остаётся. Что ты ищешь проблему там, где её нет?

Я смотрела на него, видела, как подёргивается вена на его щеке, и всё равно не понимала. Несколько лет искал лазейку? И всё ради того, чтобы уехать?

– Да не уехать! – окончательно разошёлся он, когда я всё-таки решилась спросить его напрямую. – А добиться чего-то большего! Большого, для нас с тобой!.. – Он так резко замолчал, что мне поневоле показалось, что он проглотил какое-то оскорбительное слово. В последний момент успел. Зато посмотрел так, что и договаривать не пришлось. Я обиделась. Димка тяжело вздохнул, будто я его своей непонятливостью и несговорчивостью жутко измотала. – Ева, пойми, здесь нам покоя не будет. Мы ведь думали с тобой, мечтали...

– Но не о Москве, Дим. Я не хочу уезжать.

Он резко отвернулся от меня.

– Ну, вот что ты упрямисься?

– Да потому что я не хочу уезжать! Мне и здесь хорошо!

Димка обернулся и смерил меня пренебрежительным взглядом.

– Тебе хорошо? А что у тебя хорошо? Вот скажи мне!.. Сидишь, как мышь, выглянуть боишься!

– Дима!

– Ну что Дима? – выкрикнул он в ответ, но тут же взял себя в руки и заговорил уже спокойнее. – Пойми, там у тебя есть шанс, мы можем попробовать.

Я вытаращила на него глаза.

– Ты о чём сейчас говоришь?

Он стоял передо мной, смотрел сверху вниз и от этого я ещё больше занервничала. Ладони тут же повлажнели, и пришлось сжать руки в кулаки. Потом отчаянно замотала головой.

– Нет, Дим, я не могу. Я не готова.

– Я лучше знаю – готова ты или нет, – отрезал он. – Или ты собираешься всю жизнь ждать веления свыше и гномиков по углам рисовать?

– Да это не гномики, я же тебе говорила, – забормотала я, понимая, что говорить об этом сейчас уж точно не стоит, но нервничала, вот и болтала, остановиться не могла.

Калинин присел передо мной на корточки и положил ладони на мои колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.